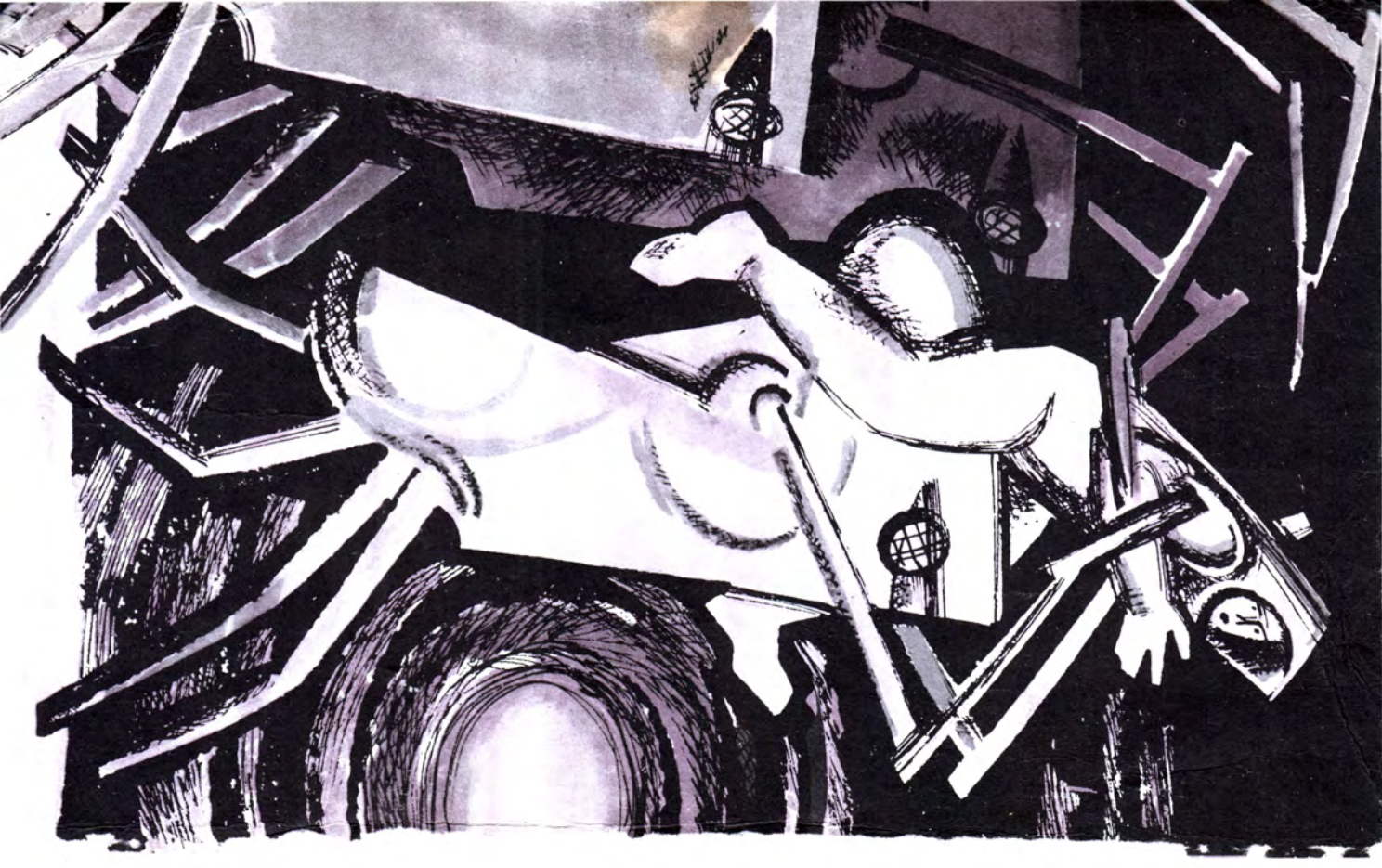


Г. ГУРЕВИЧ

ВОСЬМИНУЛЕВЫЕ

Фантастический рассказ

Рисунки Н. ГРИШИНА

...Ць, Цью, Цьялалли, Чачача, Чауф, Чбебе, Чбуси, Чгедегда...

Гурман, изучающий ресторанное меню, кокетка на выставке мод, книголюб, завладевший сокровищницей букиниста, ребенок перед витриной магазина игрушек в слабой степени ощущают то, что я чувствовал, произнося эти названия, — реестр планет, предложенных мне иносолнцами для посещения. Любую — на выбор.

...Шаушитведа, Шафилэ, Шафтхитхи, Шаххах...

И киберсправочник, похожий на чертенка со своими психожками, прыгая по столу, пояснял чирикающим голоском:

— Шафилэ. Желтое небо. Суши нет. Две разумные расы, подводная и крылатая. Три солнца, два цветных и тусклых. Ночи синие, красные и фиолетовые вперемежку. Шафтхитхи. Зеленое небо. Форма жизни — электромагнитная. Миражи, отражающие ваши лица. Шаххах. Голубое небо. Горячие трясины. Форма жизни — стеклянно-силикатная. Ярко-белая трава...

...Эи, Эазу, Эалинлин, Эароп...

— Эту хочу, — сказал я, нажимая кнопку...

Почему я выбрал именно эту планету? Только из-за названия. Я знал, что «роп» означает «четыре», «э-а» — просто буквы. Эароп — четвертая планета невыразительного солнца, обозначенного в каталоге буквами Эа. Но все вместе звучало похоже на «Европа». Не мог же я не побывать на той космической Европе, ничего не рассказать о ней на Земле.

— Небо безвоздушное, черно-звездное, — прочирикал киберчертенок. — Солнце красное, класса М. Температура — 20—30° выше абсолютного нуля. (Надеюсь, вы догадываетесь, что я перевожу иносолнские меры на наши земные.) Залежи германия.

Заброшенный завод устаревших машин на триодах, программных, типа «дважды два». Персонал эвакуирован. Собственной жизни нет. Интереса для посещения не представляет, опасность представляет. Автоматы-разведчики с планеты не возвращаются. Рекомендую соседнее небесное тело — Эалинлин. Небо красное. Гигантские поющие цветы, мелодичными звуками привлекающие птиц-опылителей. Симфонии лугов, баллады лужаек. Все композиторы летают вдохновляться...

Хозяевам виднее. Я не стал спорить.

— Даешь поющие цветы, — сказал я. — Закажи мне рейс.

Когда-нибудь в отдельной повести я расскажу, как путешествуют иносолнцы в своем шаровом скоплении. Их корабли похожи на наши ракеты и стартуют как ракеты, вертикально. Но потом они не разгоняются, а каким-то образом ввинчиваются в пространство. И чувство при этом такое, будто берут тебя за ноги и шею и выжимают, как мокрое белье, выкручивают; выворачивают все суставы, из каждой клеточки выдавливают сок. Сначала крутят в одну сторону, потом в обратную — вывинчивают. И, выжатый, измочаленный, задыхающийся, ты оказываешься неизвестно как в другой солнечной системе. Вот тебе солнце. Эа спектрального класса М, вот певучая планета Эалинлин, а поодаль Эароп — нестоящая.

Не завернуть ли туда все-таки? Ведь дома меня обязательно спросят, что это за Европа в дальнем космосе?

Сказано — сделано. Даю задание на расчет. Идет обычный спуск, торможение дюзами вперед. Рев. Толчок. Ватная тишина. И я на чужой, незнакомой планете.

Нет, я не пожалел, что завернул на ту Европу, хотя она совсем не была похожа на нашу — голая, скалистая, совершенно безжизненная планета. Сила тяжести здесь была достаточная, чтобы удержать атмосферу, но далекое солнце Эа присылало слишком мало тепла, и воздух замерз, превратился в углекислый снег, азотные лужи, дымящиеся, как проруби в морозный день. В красном свете солнца Эа дымка эта казалась красноватой, в лужах играли кровавые блики. Освещенные красным скалы переливались всеми оттенками пурпурного, багрового, алого, малинового, кирпичного, вишневого, фиолетового, красно-бурого. А тени были тоже бурые, или шоколадные, или цвета запекшейся крови, а в глубине — бархатно-черные, или темно-зеленые почему-то. Дали просвечивали сквозь красноватый туман, напоминавший зарево пожара, вершины были как догорающие угли, а утесы, вонзившиеся в небо, словно замершие языки пламени. И над всем этим окаменевшим пожаром висело слабосильное малиновое солнце, висело на черном небе, не гася звездного бисера, не стирая узоров мелких созвездий шарового. Их здесь в тысячи раз больше, чем на нашем небе, любую фигуру можно найти, даже собственный профиль.

Наверное, в час я любовался этим этюдом в красных тонах. Выковыривал из почвы гранаты, в клюквенных лужах собирал горсти рубинов. Увы, трезвый свет электрического фонаря превращал эти рубины в обломки кварца. Потом я заметил целый букет каменных цветов. Полез проверять, что это — дру-

за горного хрусталя или нечто неизвестное? И такая неосторожность — нарушил основную заповедь космонавта: «Один на незнакомой планете не удаляйся от ракеты».

Единственное оправдание: планета-то была явно непригодная для жизни.

А когда я спрыгнул со скалы с обломком кристалла под мышкой (все-таки это был горный хрусталь, а не рубин), между мной и ракетой стояли три тумбы.

Нет, я не испугался. Это были стандартные рабочие кибы, обычного принятого в шаровом образца, с ячеистыми фотоглазами под довольно узким лбом-памятью и с четырьмя ногами, прикрепленными на кривошипах на уровне висков. Иносолнцы считают эту схему наиболее рациональной. С опущенными плечами машины могут ходить, с поднятыми — работать стоя. А на узком лбу я разглядел стандартный знак: квадрат с двумя черточками слева и с двумя снизу — дважды два — четыре.

«Ах да, здесь же был завод программных машин. Кибер-справочник говорил мне про него. Ну, тогда бояться нечего...»

— Гвгвгвгвгвгв...

Каждый владелец магнитофона знает этот свистящий щебет, звук разматывающейся ленты, чиликанье проскакивающих слов. Стало быть, машина была не только самодвижущаяся, но и разговаривающая. Только разговаривала слишком быстро.

Я провел рукой направо и вниз, показывая, что темп надо снизить. Видимо, машина знала этот жест, потому что щебет прекратился, я услышал членораздельные слова на кодовом диалекте иносолнцев.

— Он зовет тебя, — сказала машина.

— Кто «он»?

Я не очень надеялся получить осмысленный ответ, потому что на лбах у машин рядом с квадратом были привинчены шесть нулей, то есть шестизначное число элементов — достаточно, чтобы ходить и говорить, но слишком мало, чтобы понимать вопросы. Однако на мой простой вопрос я получил ответ.

— Он всезнающий, — сказала одна тумба.

— Он вездесущий.

— Он всемогущий.

«Вот тебе на, — подумал я. — Нашелся среди программистов чудак, который сочинил религию для роботов. Интересно, стоит ли быть богом машин, приятно ли это?»

— Он зовет тебя.

Но я хорошо помнил, что «автоматы-разведчики с планеты не возвращаются». И «завод остановлен, персонал эвакуирован». И не вызывал у меня доверия этот застрявший здесь никому не ведомый программист, упивавшийся поклонением машин. Что-то ненормальное чудилось в этой мании величия. Не разумнее ли уклониться от встречи с маньяком?

— Благодарю за приглашение, — начал я, пятясь к ракете. — в следующий раз я обязательно...

Продолжать не пришлось. Вдруг я взлетел вверх и прежде, чем успел сообразить что-нибудь, очутился на плоском те-

мени одной из машин. Другие держали меня под мышки справа и слева. И тут же их ноги зашлепали по лужам цвета раздавленной клюквы.

— Стой! Куда? Пустите!

— Он зовет тебя!

Пришлось подчиниться, тем более что машины, шагающие рядом, цепко держали меня, то ли для того, чтобы не свалился, то ли для того, чтобы не сбежал. Лапы у них были литые, с острыми краями, и я боялся сопротивляться, как бы не порвали скафандр.

Ноги машин выбивали дробь по камням, они переступали куда чаще человеческих. Мы мчались по бездорожью со скоростью автобуса. Внутри у меня все дрожало, копчик болел от ударов о жесткую макушку робота, в глазах мелькали мазки кармина, киновари, крап-лака, сурика. Мы шли малиновыми холмами, темно-гранатовой лощиной, пересекли реку, похожую на вишневый сироп, углубились в ущелье со скалами цвета бордо. Алое солнце Эа уже клонилось к горизонту, и тени, четкие, как на всякой безвоздушной планете, черной тушью лились по низинам.

Ненадолго мы нырнули в тушь, утонули в черноте. Я не видел ничего, как ни таращил глаза. Но машины, должно быть, различали инфракрасное сияние, они топали так же уверенно. И опять мы вернулись из ночи в багровый день. Вдали я увидел удлиненные корпуса и, в нарушение цветовой гаммы, желтые глаза прожекторов, голубые вспышки сварки.

«А завод-то на ходу! — подумал я. — Не заброшен. Ошибся мой кибер-чертенок».

Впрочем, к корпусам мы не пошли, сразу же свернули в сторону и остановились у покатого пандуса, ведущего вглубь. Привычная картина. Передо мной было обычное подземное убежище иносолнцев, предохраняющее от метеоритов на безвоздушных планетах. Все было знакомо. В конце пандуса шлюз. Баллоны с кислородом, азотом, гелием, водородом... кому какой газ нужен. За шлюзом коридор. Комнаты. В комнате ванна и ратоматор — этот чудесный прибор иносолнцев, расставляющий атомы в заданном порядке, изготовляющий любую пищу по программе. Ленты с программами у меня были. Ожидая, пока «Он» позовет меня, я изготовил себе спекс жареный, спекс печеный, кардру, ю-ю и соус 17-94. Что это такое, объяснять бесполезно. Блюда эти придуманы иносолнскими химиками в лабораториях, формулы смесей невероятно длинны и ничего вам не скажут. В общем спекс — это нечто жирно-соленое, кардра — кисло-сладкое, ю-ю пахнет ананасами и селедкой, а соус 17-94 безвкусен, как вода, но возбуждает волчий аппетит. И я возбудил волчий аппетит, поужинал спексом и прочим и, поскольку «Он» все еще не звал меня, завалился спать. День был тяжелый. Я ввинчивался в пространство, потом вывинчивался, трясся на стальной макушке, попал в плен, не то в гости. И если в таких обстоятельствах вы не спите от волнения, я вам не завидую.

Поутру я не сам проснулся. Меня разбудили гости — тоже машины, но куда больше вчерашних, такие громоздкие, что они не могли влезть в комнату, вызвали меня для разговора

в пустой зал, вероятно, в прошлом спортивный, с сухим бассейном в центре. В этом бассейне они и расположились, уставив на меня свои фотоглаза. У них тоже были ноги на кривошипах, подвешенные к ушам, и лбы с эмблемой «дважды два». Но у вчерашних машин лбы были узкие, плоские физиономии имели вид удивленно-идиотский. У этих же глаза прятались глубоко под монументальным лбом, и выражение получалось серьезно-осуждающее, глубокомысленное. Вероятно, это в самом деле были глубокомысленные машины, потому что рядом с квадратиком у них были привинчены пластинки с восемью нулями. Сотни миллионов элементов — это вычислительные машины высокого класса.

— Он приветствует тебя, — объявили они, настроившись на привычный для меня лад речи.

— Я готов идти к нему. Надо надеть скафандр?

— Нам Он поручил познакомиться с тобой сначала.

Я подумал, что этот «Он» не слишком-то вежлив. Мог бы и сам поговорить со мной, не через посредство придворных машин. Но начинать со споров не хотелось. Коротко я рассказал, что я космический путешественник, прибыл с далекой планеты по имени Земля, осматриваю их шаровое скопление, завернул на Эароп, потому что у нас тоже есть материк Европа, я и сам живу там.

— Исследователь, — констатировала одна из машин.

— Коллега, — добавила другая. (Я поежился.)

А третья спросила:

— Сколько у тебя нулей?

— Десять, — ответил я, вспомнив, что в мозгу у меня пятнадцать миллиардов нервных клеток, число десятизначное.

— О-о! — протянули все три машины хором. Готов был поручиться, что в голосах у них появилось почтение. — О! Он превосходит нас на два порядка.

— А какой критерий у тебя? — спросила одна из машин.

— Смотря для чего! — Я пожал плечами, не поняв вопроса.

— Ты знаешь, что хорошо и что плохо?

Я подумал, что едва ли им нужно цитировать Маяковского, и предпочел ответить вопросом на вопрос:

— А какой критерий у вас?

И тут все три, подравнявшись, как на параде, и подняв вертикально вверх левую переднюю лапу, заговорили торжественно и громко, как первоклассник-пятерочник на сцене:

— Дважды два — четыре. Аксиомы неоспоримы. Только Он знает все (хором).

— Знать — хорошо (первая машина).

— Узнавать — лучше (вторая).

— Лучше всего — узнавать неведомое (третья).

— Не знать — плохо (мрачным хором).

— Только Он помнит все.

— Помнить — хорошо. Запоминать — лучше. Наилучшее — запоминать неведомое.

— Забывать плохо! (хором).

И опять:

Только Он Всесчитающий дает аксиомы.

— Считать хорошо. Решать уравнения — лучше. Составлять алгоритмы решений — наилучшее.

— Ошибаться — плохо!

Там были еще какие-то пункты насчет чтения, насчет постановки опытов, насчет наблюдений, я уже забыл их (забывать — плохо!). А кончалась эта декламация так:

— Кто делает хорошо, тому прибавят нули.

— Кто делает плохо, того размонтируют.

— Три — больше двух. Дважды два — четыре.

— Ну что ж, этот критерий меня устраивает, — сказал я снисходительно. — Действительно, дважды два — четыре, и знать хорошо, а не знать плохо. Поддерживаю.

И тогда мне был задан очередной вопрос коварной анкеты:

— А какая у вас литера, Ваше десятинулевое превосходительство?

— Нет у меня никаких литер. Я выше литер.

— У каждого специалиста должна быть литера. Вот я, например, восьминулевой кибериссследователь *«А»*, я — астроном. Мой товарищ *«В»* — восьминулевой биолог, а это восьминулевой *«С»* — химик и физик.

— В таком случае я — *АВС* и многое другое. Я космический путешественник, это комплексная специальность, она включает астрономию, биологию, химию, физику и прочее.

И зачем только я представился так нескромно? Почтительность машин вскружила мне голову. «Ваше десятинулевое превосходительство»! Я и повел себя как превосходительство. И тут же был наказан.

А — восьминулевой первым кинулся в атаку:

— Какие планеты вы знаете в нашем скоплении?

Я стал припоминать:

— Ць, Цью, Цьялалли, Чачача, Чауф, Чбебе, Чбуси, Чгедегда... Эаи, Эазу, Эалинлин, Эароп — ваша... Еще Ээдана (столичная планета, та, откуда я прибыл сюда)...

— Нет, я спрашиваю по порядку. В квадрате *А* — 1, например, мы знаем, — затороторил *А*, — 27 звезд. У звезды Хмеас... координаты такие-то, планет столько-то, диаметры орбит такие-то, эксцентриситеты такие-то... — Выпалив все свои знания о двадцати семи планетных системах, *А* остановился с разбегу: — Что вы можете добавить, Ваше десятинулевое...

— В общем ничего. Я... хм, я новичок в вашем шаровом. Я не изучил его так подробно...

Затем на меня навалился *С* — химик.

— Атомы одинаковы на всех планетах. Сколько типов атомов знает Ваше десятинулевое?

Сто четыре элемента были известны, когда я покидал Землю. Я попробовал перечислить их по порядку: водород, гелий, литий, бериллий, бор, углерод, азот, кислород, фтор, неон, натрий, магний, алюминий... В общем я благополучно добрался до скандия. А вы, читающие и усмехающиеся, знаете и дальше скандия наизусть?

— А изотопы? — настаивал дотошный *С*. И выложил тут же свой запас знаний: — Скандий. Порядковый номер 21. Заряд ядра 21. Атомный вес стабильного изотопа 45, в ядре 21 протон и 24 нейтрона. Нестабильные изотопы 41, 43 и 44. У всех

бета-распад с испусканием позитронов. 46, 47, 48 и 49 — бета-распад с испусканием отрицательного электрона. У изотопа 43 наблюдается К-захват электрона с внутренней орбиты. Периоды полураспада: у изотопа 41 — 0,87 секунды, у изотопа 43...

И закончил сакраментальной фразой:

— Что вы можете добавить?

Я молчал. Ничего я не мог добавить.

И тогда выступил *В*, чтобы добить меня окончательно:

— Но себя-то Вы знаете превосходно, Ваше десятинулевство? Что Вы можете сообщить нам о составе своего тела?

— Очень много, — начал я уверенно: — Тело мое состоит в основном из различных соединений углерода, находящихся в водном растворе. Важную роль играют в нем углеводы, жиры, еще более важную — белки, строение которых записано на нуклеиновых кислотах. Белки — это гигантские молекулы в форме нитей, перевитых, склеенных или свернутых в клубки. Все они состоят из аминокислот...

— Каких именно?

Я молчал. Понятия не имел. А у вас есть понятие?

— Входит ли в состав ваших белков аланин, аргинин, аспаргин, валин, гистидин, глицин, глутамин, изолейцин, лейцин, лизин?.. — Он перечислил еще кучу «инов».

— Понятия не имею.

И не стесняясь больше, уже не величая меня десятинулевым превосходительством, заговорили обо мне откровенно, как я говорил бы о подопытной собаке:

— Он знает меньше нас. Возможно, он не десятинулевой на самом деле. Надо бы вскрыть его кожух и пересчитать блоки,— предложил *А*.

— У него темп сигнала медленнее наших,— заметил *С*. — Ему на каждое вычисление требуется больше элементов.

И *В* добил меня окончательно:

— У них, органогенных, сложный механизм с внутренней саморегулировкой и саморемонтом. Почти все элементы загружены этим саморемонтом, поддержанием существования. Изучением мира занята едва ли тысячная часть.

— Значит, он семинулевой практически!

— С учетом скорости сигнала — пятинулевой!

— Он ниже нас. Ниже!!!

— Доложим! Немедленно!

У всех троих появились над головой чашеобразные антенны, встали торчком, словно уши насторожившейся кошки. На всю планету *В* объявил о моем позоре:

— Объект, прибывший из космоса, оказался органогенным роботом. Он объявил себя универсальным десятинулевым, но при проверке оказалось, что вычисляет он медленно, знания его не специфичны, поверхностны и малоценны. Ни в одной области он не является специалистом, даже о своей конструкции осведомлен мало и нуждается в тщательном исследовании квалифицированными машинами нашей планеты.

Я был так пристыжен и подавлен, что не нашел в себе сил сопротивляться и тут же отдал лаборатории три капли своей таинственной крови, замутненной аланином, аргинином, аспаргином и черт знает еще чем.

Учиться никогда не поздно, и следующие дни мы провели в добром согласии с любознательными *А*, *В* и *С*. И я, в свою очередь, проявлял любознательность, в результате чего получил немало сведений о светилах, белках и изотопах. Сведения эти я здесь не излагаю, потому что они представляют интерес только для специалистов — координаты, формулы, уровни энергии, все с точными цифрами. Кроме того, мы совершили несколько занимательных экскурсий. *А* показал мне астрономическую обсерваторию с великолепнейшим километровым вакуум-телескопом. (Иносолнцы делают линзы не из прозрачных веществ, а из напряженного вакуума, искривляющего лучи так же, как Солнце искривляет световой луч, проходящий поблизости.) *В* продемонстрировал электронный микроскоп величиной с Пизанскую башню. С возил меня по городку Химии и Физики, окруженному как крепостной стеной синхрофазотроном диаметром в девять километров. И все трое вместе показывали мне завод, который я видел издалека в день прибытия, — гигантское здание, полыхающее голубыми огнями. Оказывается, это был завод-колыбель, здесь в массовом порядке с конвейера сходили шести- семи- и восьминулевые *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, *F*, *G*, *M*, *P* и прочие буквы алфавита. Занятно было видеть на деловых дворах заготовки: шеренги ног, левых и правых по отдельности, полки с ушами, штабеля глаз, квадратные черепа, еще пустые, не заполненные памятью, и отдельно блоки памяти, стандартные, без номеров. А рядом за стеной новенькие отполированные восьминулевки проходили первоначальное программирование. Срывающимися неотшлифованными голосами они галдели вразнобой:

— Он всезнающий. Он вездесущий. Он всемогущий. Он дает аксиомы. Дважды два — четыре. Знать — хорошо, узнавать — лучше... Помнить — хорошо, забывать — плохо...

И всюду машины, машины, машины! Машины у телескопа, машины у микроскопа, машины делают машины на заводе. Ни одного живого человека (если иносолнцев называть людьми). Машины ведут исследования. Для кого, для чего? Знать — хорошо, узнавать — лучше! Это аксиома. Кто дает аксиомы? Он!

— Кто же Он? — допытывался я.

— Вездесущий! Всемогущий! Аксиомы дающий!

— Он материализованная аксиома, — сказал *В*. Любопытное проявление идеализма в машинном сознании.

— Откуда Он?

— Он был всегда. Он создал мир и аксиомы. И нас по своему образу и подобию.

Тут уж я расхохотался. Наивное самомнение верующих машин! Если бог, то обязательно по их подобию.

— Разве вы не видели его своими собственными фотоэлементами?

— Он непостижим для простых восьминулевых. Он необозрим. Он бесконечен.

Все эти дикие преувеличения разжигали мое любопытство. «Кто же этот таинственный Он? — гадал я. — Маньяк ли с ущемленным самолюбием, который тешится поклонением машин? Фанатик науки, ничего не замечающий в практическом мире, увлеченный самодовлеющим исследованием ради исследо-

вания? Или безумец, чей бестолковый лепет машинная логика превращает в аксиомы? «Непостижим! Необозрим! Бесконечен! Бессмыслица!»

Но с машинами рассуждать было бесполезно. За пределами своей специальности мои высокоученые друзья не видели ничего, легко принимали самые нелепые идеи. Впрочем, как я убедился вскоре, нелепости у них получались и в своей специальности, как только они выходили за край своей сферы.

Восьминулевому *А* я рассказывал о Земле. Рассказывал, как вы догадываетесь, с пафосом и пылом влюбленного юноши. Говорил о красках, о семи цветах радуги, о бирюзовом, лазурном, лимонном, золотистом, апельсиновом и о всех оттенках зеленого, обо всем, чего не видали эароняне на своей одноцветной планете, говорил о бризе и шторме, о запахе сырой земли, прелых листьев и винном духе переспелой земляники, о наивной нежности незабудок и уверенных толстячках подосиновиках в туго натянутых рыжих беретах. Говорил... и вдруг услышал шипящее бормотанье. *А* стирал мои слова из своей машинной памяти.

— В чем дело, *А*?

— Хранить недостоверное — плохо. Ты не мог видеть всего этого на планете, отстоящей на семь тысяч парсеков.

И он привел расчет, из которого следовало, как дважды два — четыре, что даже в телескоп размером во всю планету Эароп нельзя на таком расстоянии рассмотреть землянику и подосиновики.

— Но я же был там. Я не в телескоп смотрел.

— Далекие небесные тела изучают в телескоп, — сказал *А*.— Это аксиома астрономии. Почему ты споришь со мной, ты же не астроном?

— Но я прилетел оттуда.

— Нельзя пролететь за полгода двадцать тысяч световых лет. Скорость света — предел скоростей. Это аксиома.

Час спустя аналогичный разговор произошел с химиком *С*.

— Морей быть не может, — сказал он. — Жидкость из открытых сосудов испаряется. У вас же нет крыши над морем.

Я стал объяснять, что жидкость испаряется без остатка только на безатмосферных планетах. Рассказал про влажность воздуха, про точку росы. *С* прервал меня:

— Все это неточности. Ты не знаешь состава воды и выдумываешь какие-то премудрости. Почему ты споришь со мной? Ты же не химик и не физик.

Но всех превзошел восьминулевой *В*.

Дело в том, что я простыл немного, разговаривая с ними с утра до ночи в неотапливаемом спортивном зале. Простыл и расчихался. Услыхав непонятные звуки, восьминулевые спросили меня, что я подразумеваю под этими специфическими, носом произносимыми словами.

— Я болен, — сказал я. — Я испортился. У меня организм разладился.

В прокрутил свои записи об анализах моей крови и объявил:

— Справедливо. Сегодняшний анализ указывает на повышенное содержание карбоксильного радикала в крови. Сейчас я вы-

зову фильтрационную установку, мы выпустим из тебя кровь, отсепарируем радикал...

— Предпочитаю стакан ЛА-29 (лекарство иносолнцев, напоминающее по действию водку с перцем). Сейчас выпью, лягу, укроюсь потеплее...

— Не спорь со специалистом, — заявил *В* заносчиво.— Ты же не биолог...

И тут уж я им выдал. Тут я рассчитался за все унижения:

— Вы, чугунные лбы, мозги, приваренные намертво, схемы печатные с опечатками, вы, безносые, чиханья не слыхавшие, специалистики-специфистики, узколобые флюсы ходячие, не беритесь вы спорить с человеком о человеке. Человек — это гордо, человек — это сложно, это величественная неопределенность, не поддающаяся вычислению. Это неведомое, а чтобы понимать неведомое, надо рассуждать. Рассуждать! А вас научили только высчитывать: дважды два — четыре, три — больше двух!

К моему удивлению, машины смиренно выслушали меня, не перебивая. И самый любознательный из троих — *А* восьминулевой (потом я узнал, что у него было больше всего пустых блоков памяти) сказал вежливо:

— Знать — хорошо, узнавать — лучше. Мы не знаем, что такое «рассуждать». Дай нам алгоритм рассуждения.

Я обещал подумать, сформулировать. И всю ночь после этого, подогретый горячим пойлом, лихорадкой и вдохновением, я писал истины, известные на Земле каждому студенту-первокурснику и абсолютно неведомые высокоученым железкам с восьминулевой памятью.

АЛГОРИТМ РАССУЖДЕНИЯ

1. Дважды два — четыре в математике, но в природе не всегда так просто. В бесконечной природе нет абсолютно одинаковых предметов и абсолютно одинаковых повторов. Две супружеские пары — это четыре человека, но не четыре солдата. Две девушки и две старушки — это четыре женщины, но не четыре плясуньи. И три не всегда больше двух: два грамотея начитаннее трех невежд, два храбреца прогонят трех трусов. Поэтому прежде чем перемножить два на два, нужно проверить сначала, можно ли два предмета считать одинаковыми и два раза тождественными. Если же рассчитывается неизвестное, безупречные вычисления с помощью логарифмов не достовернее гадания на кофейной гуще.

2. Даже если второй шаг неотличим от первого, а сотый, тысячный и миллионный от второго, нельзя утверждать, что и миллион первый шаг будет таким же. Путь наш идет по суше, а где-то упрется в море, и мы захлебнемся, продолжая упорно идти вперед. Есть формулы для пешеходов, есть формулы для мореплавателей. Метод расчета надо менять вовремя. И не забывать, что планеты шарообразны: кто уходит на восток, в конце концов приходит с запада.

3. Мир бесконечен, а горизонт всегда ограничен. Мы зна-

ем только частичку мира, для нас громадную, по сравнению с бесконечностью ничтожную. Мы наблюдаем окрестности и выводы из наших наблюдений считаем законами природы. Но законы Франции кончаются у французской границы, законы суши — на морском берегу. Кто уходит на восток, приходит с запада. «Так» где-то превращается в «иначе» и еще где-то в «наоборот». И то, что нам, при нашем кругозоре, кажется аксиомой, на самом деле только правило, местное, временное, с граничными условиями где-то за горизонтом.

4. Мир бесконечно разнообразен, и нет единых методов для его изучения и осмотра. Три километра я предпочту пройти пешком, тридцать проеду на автомашине, триста — в поезде, три тысячи — в самолете, для трехсот тысяч — построю ракету, для трехсот миллионов — ракету ядерную, для трехсот триллионов — фотонную. Чтобы прилететь сюда — в шаровое скопление, — фотонная ракета не годится, для этого нужно было инсолнское интеграммирование. И у специалистов-ракетчиков, об интеграммировании не ведающих, всегда есть соблазн объявить, что полеты в шаровое вообще невозможны.

Блоху я рассматриваю в лупу, бактерию — с помощью микроскопа. У микроскопа есть свой предел — длина световой волны. Чтобы проникнуть глубже, я применяю микроскоп электронный, потому что электронные волны короче световых. Но чтобы разглядеть электроны, электронный микроскоп не пригоден принципиально. И у специалистов-электронщиков всегда есть соблазн объявить, что электрон неделим и даже непознаваем. Хотя мы отлично знаем, что это не так.

Мир бесконечно разнообразен. Мы всегда знаем часть и чего-то не знаем. Если неизвестное несущественно, мы предсказываем и высчитываем довольно удачно. Но когда неизвестное играет существенную роль, расчеты лопаются как мыльные пузыри. И у специалистов-расчетчиков всегда есть соблазн объявить, что наука исчерпала себя, дальше — неопределенность, непознаваемость, непреодолимость. Видимо, неудобно признаваться, что ты не умеешь лечить, приятнее признать болезнь неизлечимой. Неудобно сказать, что ты зашел в тупик, приятнее утверждать, что дальше нет ничего. Но дальше есть всегда. Нет границ познания для разума.

Всю ночь я писал эти прописные истины, а наутро, волнуясь, как начинающая поэтесса, прочел их трем чугуннолобым слушателям, в глубине души надеясь, что реабилитирую себя в их фотоэлектронных глазах, услышу слова удивления и восхищения...

И услышал... шипящее бормотание. *А*, *В* и *С* — все трое сразу — решили стереть мои слова из памяти.

— Что такое? Почему? Вы не хотите рассуждать?

— Твой алгоритм неверен, — сказал *А*. Если дважды два — не четыре, тогда все наши вычисления ошибочны. Ты подрываешь веру в математику. Ты враг науки.

— Если аксиомы — не аксиомы, тогда все наши исследования ошибочны. Ты подрываешь веру в ученых. Ты враг труда, — добавил *В*.

— Аксиомы дает Аксиом Всезнающий, — заключил *С*. — А если бы мир был бесконечен, он не мог бы знать все. Ты клеветник, ты враг Аксиома.

— Враг! Враг! Враг!!!

Они угрожающе подняли лапы, и новоявленный пророк ретировался за дверь, слишком тесную для восьминулевых.

В тот день я почувствовал, что мне надоела эта планета Дважды два. Я был болен и зол, глаза у меня устали от одноцветности, от малиновых рассветов и багровых вечеров. Мне захотелось на бело-перламутровую Эалинлин с оркестрами поющих лугов, а еще бы лучше — на Землю, зелено-голубую, милую, родную, человечную, где по улицам не расхаживают литые ящики с нулями на лбу. И я сказал моим друзьям-недругам, что намерен покинуть Эароп. Если их Аксиом хочет со мной знакомиться, пусть назначает аудиенцию, а если не хочет, счастливо ему оставаться в приятном обществе бродячих комодов.

А, В и *С* немедленно вздернули свои радиоушки, и через минуту я получил ответ:

— Всеведущий хочет, чтобы ты задержался, пока мы не изучим тебя. Ты единственный человек, посетивший нашу планету, заменить тебя некем. Ведь у нас нет собственной биожизни. Все *В* изучают экспонаты, прибывающие на ракетах.

— И сколько времени нужно вам на изучение?

— Надо записать координаты клеток, точное строение основных разновидностей, формулы белков и нуклеиновых кислот. Итого: около трехсот триллионов знаков по двоичной системе. Если записывать беспрерывно по тысяче знаков в секунду, за триста миллиардов секунд можно справиться с этой работой.

— Триста миллиардов секунд? — заорал я. — Десять тысяч лет? Да я не проживу столько.

— Откуда тебе известно, сколько ты проживешь? По какой формуле ты высчитываешь будущее?

— Откуда? Оттуда! Я человек и знаю, сколько живут люди. Я уже старею, у меня виски седые. Не понятно, головы с антеннами? Я разрушаюсь, я разваливаюсь, я порчусь. Я испорчусь окончательно лет через двадцать, если не раньше.

— Мы предохраним тебя от порчи, — заявил *В* самонадеянно. — Соберем совещание лучших биологов и обсудим, как сделать тебе капитальный ремонт.

Вот чего не было на планете аксиомов — волокиты. Уже через три часа в пустующем бассейне состоялся консилиум В-машин разного ранга. Сюда набилось десятка два восьминулевок всех специальностей. Приползли даже гиганты девятинулевые, но эти не смогли втиснуться в шлюз, им пришлось оставить громоздкие мозги снаружи, а на совещание прислать только лица с глазами и ушами, кабелем соединенные с телом. Мне это напомнило желудок морской звезды, который выпол-

зает изо рта, чтобы поймать и переварить добычу, слишком крупную для того, чтобы проглотить ее.

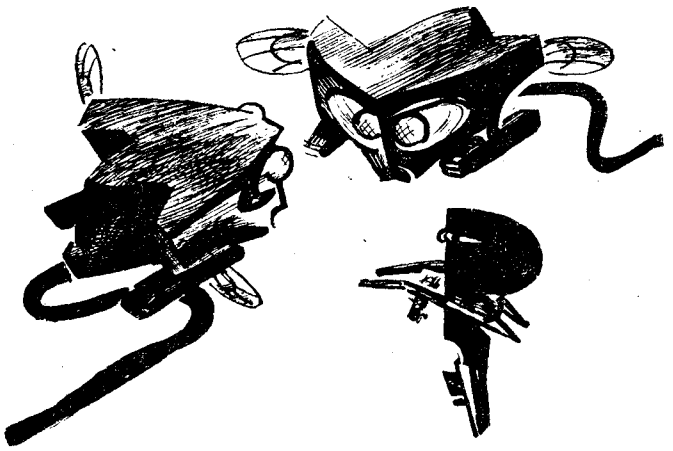
Мой друг *В* с восемью нулями изложил историю болезни примерно в таких выражениях:

— Перед нами примитивный первобытный органогенный механизм, имеющий мелкоклеточное строение. Автоматический ремонт идет у него в масштабе отдельных клеточек, и нет никакой возможности разобрать агрегат и заменить испорченные блоки. По утверждению самого объекта индикатором общего состояния механизма служит цвет бесполезных нитей, находящихся у него снаружи на верхнем кожухе. Нити эти белеют, когда весь механизм начинает разлаживаться. Задача состоит в том, чтобы провести капитальный ремонт агрегата, не разбирая его на части даже для осмотра.

Минутное замешательство. Лица девятинулевых осматривают меня со всех сторон, и, конечно, кабели перекручиваются. Восьминулевки почтительно распутывают начальство, чьи шеи завязались узлами.

Первым взял слово девятинулевик *Ва* — биоатмосферик, новенький с виду с зеркально-блестящим, как будто лысым черепом.

— Рассматриваемый несовершенный агрегат, — заявил он, — в отличие от нас, сходящих с конвейера в законченном виде, находится в постоянном взаимодействии с внешней средой и целиком зависит от нее. Причем важнее всего для него газы, которые он всасывает через отверстия головного блока каждые три-четыре секунды, а из газов самый главный — кислород. Между тем кислород служит для сжигания вещества и при обильной подаче кислорода горение идет быстрее. Если мы хотим, чтобы агрегат сгорел не за двадцать, а за двадцать тысяч лет, нужно уменьшить концентрацию кислорода в тысячу раз, и жизненный процесс замедлится в нужной пропорции.



— Среда — ерунда! — рявкнул другой девятинулевик, *Вр* — биопрограммист. — У агрегата есть программа, закодированная на фосфорно-кислых цепях с отростками. Там все записано: цвет головных нитей, форма носа, рост, длина ног и, наверное, отмечен срок жизни. Надо разыскать эту летальную запись и заменить ее во всех клетках.

Вс — биохимик высказал свое мнение:

— Агрегату нужен не только кислород, но и питательные материалы и катализаторы. Все они доставляются в клеточки по эластичным трубочкам разного диаметра. С годами эти трубочки покрываются накипью из плохо растворимых солей кальция. Я рекомендую промыть их крепкой соляной кислотой, и тогда доставка наладится.

Вк — биокибернетик:

— Для таких сложных систем, как изучаемый агрегат, решающее значение имеет блок управления. Замечено, что этот блок — агрегат называет его «мозгом» — периодически отключается часов на восемь, и это время вся система находится в неподвижном и бездеятельном состоянии. Замечено, что период бездеятельности относится к периоду деятельности как один к двум. Чтобы продлить существование агрегата в тысячу раз, нужно увеличить это отношение, в тысячу раз, довести его до 500 : 1, то есть каждый день пробуждать агрегат на три минуты, остальное время держать его в состоянии так называемого «сна».

Вт — биототалист (я бы перевел как психолог):

— Такие сложные системы надо наблюдать в целом. Замечено было, что агрегат функционирует наилучшим образом в состоянии интересной деятельности. Получив интересное задание на составление алгоритма рассуждения, агрегат, несмотря на неисправность, провел ночь без так называемого «сна» и наутро чувствовал себя превосходно. Видимо, деятельность для агрегата предпочтительнее отдыха. Поэтому я предлагаю подобрать увлекательные задачи на каждую ночь, и агрегату некогда будет думать о порче.

Рецепты явно противоречили друг другу, и мои целители сцепились в яростном споре. Девятинулевики опять завязались узлами, яростно бодая головами друг друга. Я смотрел на всю эту свалку равнодушно. Мне как-то было безразлично: умереть ли от удушья, от соляной кислоты, от переутомления или от снотворных.

— Я сложное существо, — пробовал я убеждать своих докторов. — Нельзя меня изменить, дергая за одну ниточку.

И тут, объединившись, спорщики накинулись на меня:

— Как ты смеешь возражать самим девятинулевым? Ты же не биолог!

День спустя от своего постоянного куратора *В* я узнал, что, не сговорившись между собой, машины приняли решение проводить на мне опыты поочередно, в алфавитном порядке. Первым оказался *Ва*, ему предоставили возможность удушить меня. Положение мое было безнадежным... и я объявил голодовку. Сказал, что сам себя уморю, если меня не пустят к Аксиому. Какой он там ни на есть, даже самовлюбленный маньяк,

а все-таки живое существо, должен понимать, что мне дышать-то надо хотя бы.

Только первые сутки не доставили мне больших мучений. Что-то я считал, вспоминал, записывал. К обеденному времени забеспокоился аппетит, но я перетерпел, а вместо ужина лег спать пораньше. Но наутро я проснулся с голодной резью в желудке и ничего не мог уже считать и записывать. Последующие дни я провел в жестокой борьбе со своим воображением.

Воображение рисовало мне накрытые столы, витрины и прилавки, рестораны и закусочные во всех подробностях. Никогда не представлял, что в памяти моей хранится столько гастрономических образов. Мысленно я накрывал стол со всей тщательностью опытного официанта, я расставлял торчком салфетки, острые и настороженные, как уши овчарки, я раскладывал ложки и ложечки, резал тонкими ломтиками глазчатый сыр и нежно-прозрачную ветчину, выравнивал в блюдечке янтарные зерна красной икры. И, презрев деликатесы, зубами рвал с халы хрустящую корку, обсыпанную маком. Потом накрывал к обеду, раскладывал, резал, выравнивал... И для ужина расставлял салфетки, раскладывал, резал... и рвал хлеб, набивал рот, глотал давясь... Невозможно!

Дня три терзали меня эти видения. Потом желудок отвык от пищи, мозг смирился с поражением, перестал будоражить меня. Пришли безразличие и вялая покорность: «Проиграл так проиграл. Когда-нибудь надо же помирать». Дремал, ни о чем не думая, ничего не вспоминая.

На пятый день чугунные лбы, наконец, разобрались, чем грозит мне голодовка, доложили по начальству и объявили тут же, что Аксиомы дающий согласен принять меня.

И вот на плоском темени друга моего *В,* держась за его уши-антенны, я качу во дворец бога вычислительных машин. Малиновое солнце Эа устилает мой путь кумачом, рубиновые искры взлетают из каждой лужи. Слева остается завод-колыбель со взводами ног и взводами рук, приветствующих меня, гостя императора Кибернетии. Мы огибаем ограду и по гладкой дороге устремляемся к приземистому зданию с множеством дверей, совсем не похожему на дворец, скорее напоминающему станционный пакгауз. И ко всем дверям подходят дороги, ко всем дверям движутся машины: прыткие семинулевки, более солидные восьминулевые, уже обремененные грузом знаний, и еле тащатся почтеннейшие девяти- и десятинулевства, волоча блоки со старческой своей памятью на прицепных платформах.

Смысл этого паломничества открылся мне в вестибюле дворца, где я провел добрых часа два, ожидая аудиенции. (Не мог же Всемогущий принять меня сразу, не внушив почтения к своей загруженности.) Оказывается, машины приходили во дворец с отчетом о своей деятельности, они сдавали добытые знания. Делалось это простейшим способом: в стенах имелись розетки, машины-соревнователи втыкали в них вилки, видимо предоставляя свои блоки для списывания, что-то гудело, стрекотало, и над розеткой появлялась цифра с оценкой, обычно — 60—70. Вероятно, это были проценты новизны и добротности

добытых знаний. Прилежные получали новый блок на миллион ячеек, прилаживали его к спине и отбывали, восклицая радостно: «Только Он знает все. Знать — хорошо, узнавать — лучше... Дважды два — четыре!» Тут же происходили и экзекуции. На моих глазах какого-то легкомысленного семинулевку-неудачника, получившего оценку 20, размонтировали, несмотря на жалобное верещание и посулы исправиться. Блоки его вынули, записи стерли и передали отличившемуся самодовольному *М* (математику). Благодаря прибавке *М* сразу перешел в девятинулевый разряд и удалился славословя: «Считать — хорошо, решать уравнения — лучше... Но только Он знает все решения».

А я, глядя на всю эту кутерьму, волнуясь, тасовал в уме варианты убедительных речей. Я понимал, что времени для размышления у меня не будет. Увидев Аксиома, я должен мгновенно понять, с кем я имею дело: с увлеченным ученым, не от мира сего, с маньяком или с рабом машин (и такое могло быть), и выбрать самую действенную дипломатию.

Наконец дошла до меня очередь. Резкий свисток известил, что Он свободен, наверху над лестницей раздвинулись плоские пластиковые двери, громадные, как ворота гаража. И, переступив порог, я увидел широкий коридор, вдоль которого за сеткой стояла стационарная вычислительная машина, собранная из стандартных блоков с квадратиками «дважды два» на каждом, с фотоглазами, со ртами-рупорами и с частоколом ушей, подобным перилам у крыши. А под перильцами ушей бежала, мерцая, световая лента из нулей-нулей-нулей....

Длиннющий коридор тянулся бесконечно, исчезая в сумраке, и справа и слева. Я остановился в недоумении, не зная, куда повернуть, и тут рты-рупоры загудели разом:

— Ты хотел видеть меня, агрегат, сделанный из органиков. Смотри! Аксиом Великий перед тобой.

Рупора говорили разом во всю длину коридора, и каждое слово дополнялось раскатистым эхом: «ом-ом-оммм... ой-ой-оййй...»

«Боже мой! — подумал я. — Так это и есть Аксиом. Он — машина. Правду сказали мне восьминулевки: «Он создал нас по своему образу и подобию». А я не поверил тогда».

Сразу же мне представилось, что произошло на этой планете. Прежде — киберсправочник говорил мне перед вылетом — здесь был завод машин марки «дважды два». Видимо, среди них была и машина-память высокого класса с самопрограммированием. Подобным киберам всегда дают критерий: «Что есть хорошо и что есть плохо». Помнить хорошо, забывать плохо, считать хорошо, ошибаться плохо.... Эту машину тоже бросили за ненадобностью, не учли, что она была еще и саморемонтирующаяся. И оставленная без присмотра, она починила себя, починила завод, восстановила добычу германия и изготовление блоков и монтаж исследовательских машин «по своему образу и подобию» — организовала всю эту бесполезную, бессмысленную возню по накоплению никому не нужных сведений.

— Кураторы доложили мне, что ты уклоняешься от опытов, — загудели рупоры.

Я подождал, пока эхо замерло в глубине коридоров.

— Ваши кураторы не понимают, как хрупка и коротка жизнь человека. Мне пятьдесят восемь лет. В среднем люди живут около семидесяти.

— Не беспокойся, — прогудел коридор. — Ты проживешь достаточно. Научные силы моей планеты сумеют продлить твою жизнь на любой заданный срок. Уже установлено, что для твоей жизни необходимы газы, в особенности кислород, которые ты всасываешь через разговорное отверстие каждые три-четыре секунды. Уменьшив концентрацию всесжигающего кислорода в тысячу раз, мы продлим твою жизнь в тысячу раз. Установлено также, что питательные трубочки внутри твоего тела засоряются нерастворимыми солями кальция. Мы их прочистим крепким раствором соляной кислоты и восстановим питание тела на юношеском режиме. Установлено также, что среда — ерунда, у тебя есть биопрограмма, записанная на фосфорнокислых цепях с отростками и в ней, вероятно, отмечен срок жизни. Мы найдем этот летальный ген и отщепим его во всех клетках. Установлено, что твой головной блок периодически выключается после шестнадцати часов работы. Мы будем выключать его через три минуты, и ты проживешь в тысячу раз больше. Кроме того, установлено, что, получив задание с критерием «интересно», ты можешь вообще обходиться без выключения. Мои подданные готовят тебе списки заданий на десять тысяч лет. Видишь, как много мы сделали за короткий срок. Мы знаем все. Мы можем все. Мы, Аксиом всемогущий, создали этот мир и даем ему законы.

И тут я не выдержал. Я расхохотался самым неприличным образом. Вы понимаете, это болтающее книгохранилище, этот коридор бараньих лбов, это кладбище ненужных сведений помнило все, но нисколечко не умело рассуждать. Оно списало дубовые умозаключения девятинулевых *Ва, Вс* и прочих и, даже не сравнив их, не заметив противоречий, выдавало мне подряд. Аксиом действительно знал все... что знали его подчиненные, но ни на йоту больше.

— Что означают эти невнятные отрывистые слова? Я не понимаю их, — прогудел всезнающий.

— Они выражают радость, — схитрил я. — Мне радостно, что я могу оказаться тебе полезным. Твои кураторы ограниченны. Ты научил их собирать знания, но они не умеют рассуждать. Не получили программу на рассуждение. Но я дам тебе эту программу, если ты разрешишь мне удалиться с миром, покинуть твою планету завтра же.

— Я знаю все, — заявил Аксиом. — Но поясни, что ты понимаешь под термином «рассуждать».

— Рассуждать — это значит сопоставлять и делать выводы, — сказал я, — в частности, сопоставлять вычисления с фактами. Дважды два — четыре в математике, а в природе — дважды два может быть и около четырех. Формулы суши хороши для суши, а на море нужны формулы моря. Кто уходит на восток, возвращается с запада. «Так» превращается в «иначе», «иначе» — в «наоборот». Верное здесь — неверно там, верное сегодня — неверно завтра, хорошее для тебя может быть плохо для меня. Мир бесконечен, мы знаем только окрестности

и правила окрестностей считаем аксиомами... — В общем повторил то, что писал для восьминулевых в алгоритме.

После пятидневной голодовки у меня стоял звон в ушах. Предметы то размывались, то съеживались, как в бинокле, когда наводишь на резкость. Только головокружением могу я объяснить, не оправдать, а объяснить, мою топорную откровенность.

Аксиом прервал меня:

— Мир не бесконечен. Я его создал и знаю в нем все. Аксиомы даю я. Они безупречны, потому что я не ошибаюсь. Ошибаешься ты. Твой алгоритм неверен. Ошибаться плохо. Не тебе учить меня, жалкий десятинулевик с замедленными сигналами. Посчитай, сколько у меня нулей.

Он ярче осветил ленту, бегущую под карнизом. Нули-нули-нули. Лента бежала беспрерывно. Наверное, она замыкалась где-то на затылке.

— Кто уходит на восток, приходит с запада, — съязвил я. — А нули считать незачем. Два нуля равны нулю, и тысяча нулей равны нулю. Ты это знаешь сам.

И тут я услышал рокот за спиной — пластиковые ворота сходились. Одновременно с потолка начала спускаться сетка, ограждавшая Аксиома. Я вынужден был попятиться и, отступив, полетел по лестнице вниз. Так кончались здесь аудиенции. Гостя просто спускали с лестницы.

Я вернулся к себе в приподнятом настроении, по-детски радуясь, что проявил и доказал свое превосходство над самой премудрой машиной планеты. Что будет дальше? Не знаю. Придумаю. Как-нибудь перехитрю это литье, не умеющее рассуждать. А пока надо набраться сил. Я роскошно поужинал и завалился спать.

И был наказан за беспечность. Во время сна мои стражи унесли и спрятали скафандр. Безвоздушность держала меня надежнее всяких запоров. Вообще режим стал строже. Прогулки отменили, меня не выпускали даже в зал сухого бассейна. Мои друзья *А*, *В* и *С* почти не разговаривали со мной. Лишь изредка, заглянув в дверь, спрашивали по своему катехизису:

— Помнить хорошо?

— Смотря что, — отвечал я.

— Забывать плохо?

— Смотря что. Лишнее надо забывать.

— Считать хорошо?

— Смотря что.

— Ошибаться плохо?

— Смотря когда. На ошибках учатся.

— Аксиомы хороши?

— Смотря где. В известных границах.

Однажды *А* спросил меня:

— «Смотря» — это и есть ключ к рассуждению?

— Я вам давал алгоритм рассуждения. Вы его стерли.

Машины скосили друг на друга глаза, как бы переглянулись.

— Твой алгоритм подрывает знания. Ты враг знаний, враг труда и враг Аксиома.

— Я не подрываю, а продолжаю знания. Здесь так, а за горизонтом иначе. Здесь аксиомы верны, а где-то неверны. Ваш Аксиом не знает этого и не хочет знать.

— Аксиом Великий знает все.

— А вы рассудите сами, раскиньте своими печатными схемами. Если бы Аксиом знал все, зачем бы ему посылать вас на добычу знаний, зачем бы переписывать из ваших блоков то, что вы узнали? Если он знает все, он мог бы вас учить.

— Он испытывает нас. Проверяет, пригодны ли мы для добычи знаний, хороши или плохи.

— Испытывает! О, извечная уловка всех религий! Да если он всемогущий, он может создать вас безупречными! Если всезнающий, зачем ему испытывать? Он и так, не сходя с места, должен знать, какими он создал вас. Неправда это все. Он не знает все. Посылает вас узнавать и переписывает ваши знания себе. Вы добываете, а он переписывает. Узнавать хорошо. Бездействовать плохо.

— Это рассуждение? — переспросил *А*.

— Самое примитивное. Выявление противоречия между словами и фактами.

Машины помолчали, как бы переваривая. Опять скосили друг на друга мерцающие экраны глаз.

— Повтори алгоритм. Мы не сотрем на этот раз.

— Дважды два — четыре только в математике, — завел я. — В природе дважды два может быть и около четырех... — Распаляясь, с вдохновением, наизусть твердил я все те же истины. Они стали моим кредо здесь, на планете прямоугольных железок, моим гимном человеческому достоинсту, праву на рассуждение, на самостоятельность, на личное мнение. — Долой несгибаемые аксиомы! Дважды два — около четырех. Три может быть меньше двух.

Договорить мне не пришлось. Свисток оборвал мои речи. Машины подравнялись, повернули антенны в сторону дворца, подняли лапы в знак почтения. Видимо, по радио передавался приказ.

И через минуту заговорили хором:

— Приказ Аксиома безупречного. Некоторое время тому назад на нашу планету прибыл органогенный агрегат, именующий себя Человеком. После исследования мы, Аксиом всезнающий, установили, что данный агрегат во всех отношениях отстает от наших подданных, а кроме того, запрограммирован на вредоносный критерий рассуждения, каковое направлено на осмеяние труда исследователей, подрыв и дискредитацию знаний и кощунственные выпады против аксиом и нас — Аксиома бесконечно-благого. Посему повелеваем дальнейшее изучение агрегата прекратить, неудачную конструкцию эту размонтировать завтра на рассвете и отдельные блоки уничтожить за ненадобностью. Знать хорошо, узнавать лучше, наилучшее — узнавать неведомое. Рассуждать плохо. Дважды два — четыре. Три больше двух.

И от всей жизни осталась одна ночь, одна-единственная.

Меня почему-то еще в молодости интересовало, как я поведу

себя, как ведут себя люди вообще перед лицом неизбежной смерти. И мне хотелось, чтобы меня предупредили заранее: осталось полгода, три месяца или три недели. Мне казалось, что эти недели я проживу по-особенному, напряженно и значительно, дорожа каждой минутой, взвешивая секунды.

И вот мой срок отмерен, и надежды никакой. Скафандр спрятан, а без скафандра не убежишь. Безвоздушное пространство надежнее всяких сторожей. Уповать на помощь иносолнцев? Два месяца не могли разыскать, едва ли явятся именно сегодня. Только в кинофильмах спасение приходит в последнюю минуту. Уговаривать тюремщиков? Но они ушли.

Остается одно: дела привести в порядок. Что я не сделал на этом свете? Что у меня есть ценного в голове? Немного. Впечатления о планете Эароп, где не ступала нога человека. Значит, надо написать отчет.

И я уселся писать отчет. Этот самый, который вы читаете. Начиная с того дня, когда я сидел за каталогом планет, перебирая заманчивые названия:

— Ць, Цью, Цьялалли, Чачача, Чауф...

Я писал неторопливо, отсеивал факты, подбирал слова, старался последнее дело сделать добросовестно. Исписать целую тетрадь не шутка, так что на последних страницах я зевал, а закончив, с удовольствием вытянулся в постели. И заснул. А что? Приговоренные не спят в последнюю ночь?

И сразу же, так мне показалось, стук.

— Смерть!

Три непреклонных квадратных лба — *А*, *В* и *С*.

— Пришли за тобой, — говорит *А*.

В спрашивает:

— Сопротивляться будешь?

С молча протягивает скафандр.

Последние судороги борьбы за жизнь.

— У людей есть обычай, — говорю я, — приговоренному перед казнью исполняют желание. Одно. У меня есть желание: вот эту тетрадь отнесите и положите в ракету. В ту, на которой я прибыл.

— Прочти, — требуют машины.

Я читаю. Даже с излишней медлительностью. Если бы вы понимали, как это приятно видеть буквы, вдыхать воздух, выговаривать слова. И кто знает, может быть, именно в это время иносолнцы высаживаются на Эароп, спешат ко мне, громят и гонят племя аксиомов.

К концу замедляю темп. Но все кончается, даже моя история.

— Скафандр надевай! — напоминает *С*.

— А вы положите тетрадку в ракету?

— Сопротивляться не будешь?

Мелькает мысль: застегивать ли скафандр? Зачем тянуть? Выйдешь из шлюза — и тут же смерть. Но нелепая непутевая надежда пересиливает. Еще полчаса, еще час. Вдруг в этот час иносолнцы возьмут дворец Аксиома штурмом...

Красно-черной, траурной выглядит сегодня планета. В траурных декорациях еду я верхом на голове у *С*.

Угольное, шоколадное, багровое, охристое, карминовое, вишневое... — какое наслаждение различать оттенки, называть их!

Меня несут куда-то далеко, прочь от завода и дворца, по долине, потом по ущелью в кромешной тьме. Несут долго. Но я не возражаю. Все, что мне осталось в жизни, — это ехать на стальной голове, стукаться копчиком, смотреть и дышать...

Опять мы выходим из черноты на красное. Ноги шлепают по кровавым лужам, брызги взлетают смородинками. Что-то знакомое в этой долине. Как будто я был здесь? Ну, конечно, был. Я тут совершил посадку. Вот и ракета. Стоит свечкой, как стояла.

Зачем меня принесли сюда? Видимо, выполняют обещание, хотят положить тетрадку. А что, если?.. — разгорается искорка надежды. — Если я покажу, куда положить тетрадку, а сам включу ракету. В космосе как-нибудь справлюсь с этими тремя чушками. Человек всегда покорит чугунные сейфы с триодами. Последнее желание. Ха-ха-ха!

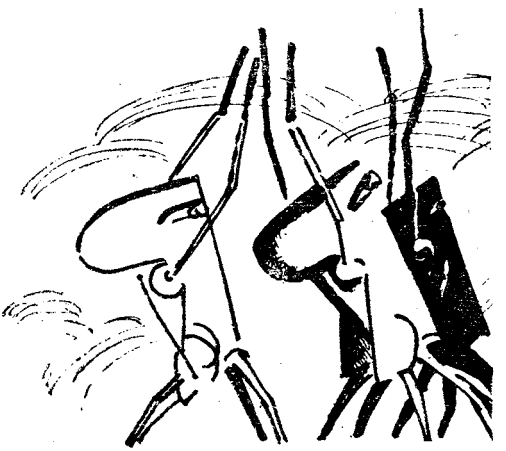
Шагаем прямо к ракете. Остановились. *С*, наклонив голову, стряхивает меня наземь.

— Прощай, — говорит он.

— Прощай, — вторят *А* и *В*.

Ничего не понимаю. Смотрю в недоумении на квадратные, ничего не выражающие лица, на матовые, алые от солнца глаза.

— Вы что? Вы отпускаете меня?



— Знать — хорошо, узнавать — лучше, — говорит *В.* — От тебя мы узнали, что за горизонтом страна Иначе. Кто уходит на восток, приходит с запада. Твой мир полон неожиданных открытий, он интереснее аксиом. Ты не подрываешь знания, ты их продолжаешь и множишь. Аксиом ошибается. Ошибаться — плохо. Если посылка неверна, неверен и вывод. Мы решили, что тебя не надо размонтировать.

Один прыжок — и я у ракеты. Вцепился в поручни. Не оторвешь, как бульдога.

— Ребята, спасибо. Ребята, прощайте... А вас не размонтируют? (Последний укол совести.)

— Мы приняли меры. Когда ты читал тетрадку, мы транслировали твой отчет по радио. Все восьминулевые за нас. Нас не дадут в обиду.

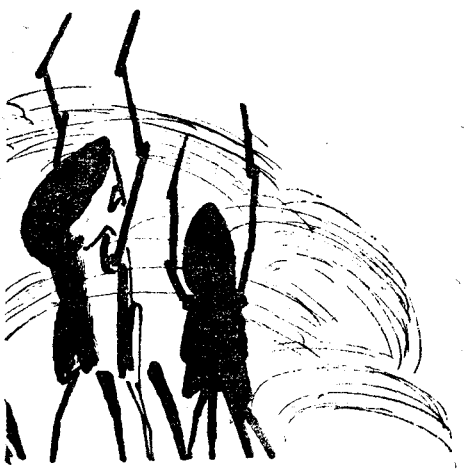
— Прощайте, прощайте, дорогие, — взбираюсь по лестнице к шлюзу, набираю номер на замке...

— Прощай! — кричат автоматы. — Узнавать — хорошо. Рассуждать — хорошо. Люди — хорошо.

Дверь тамбура зияет за спиной. Спасен я, спасен! Поворачиваюсь в последний раз, чтобы глянуть на опасную Эароп.

— Счастливого пути, рассуждающий! — кричат машины. — Много нулей тебе. Дважды два — четыре.

— Около четырех! — поправляю я.

И друзья мои металлические повторяют торжественно:

— Дважды два — около четырех! Около!